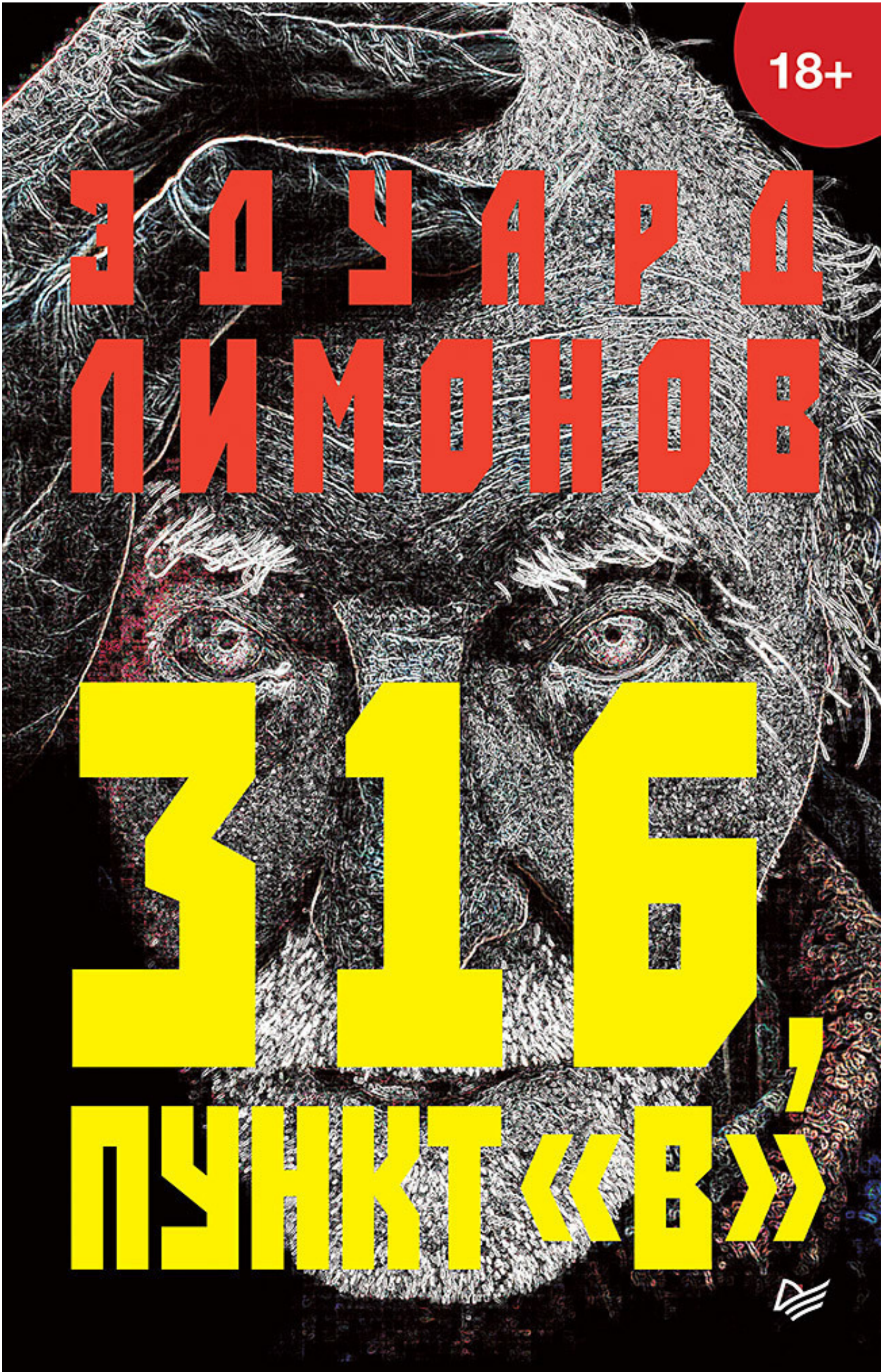
18+
ЭДУАРД ЛИМОНОВ
316, ПУНКТ «В»

Публицистический роман

Эдуард Лимонов

316, пункт «В»

«Питер»
1998

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

Лимонов Э. В.

316, пункт «В» / Э. В. Лимонов — «Питер»,
1998 — (Публицистический роман)

ISBN 978-5-4461-1130-5

«316, пункт “В”» – первый и единственный роман-антиутопия Эдуарда Лимонова.Сюжет романа строится вокруг закона 316, пункт «В», по которому все достигшие шестидесятипятилетнего возраста подлежат уничтожению. Демографическая проблема – тема не новая, однако поправки в пенсионной реформе сделали ее для российского читателя как никогда актуальной.Книга публикуется в авторской редакции, содержит ненормативную лексику.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=Р)6

ISBN 978-5-4461-1130-5

© Лимонов Э. В., 1998
© Питер, 1998

Содержание

Предисловие 6
2 июля 1015 года 7
3 июля 2015 года 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Эдуард Лимонов
316, пункт «В»

© ООО Издательство «Питер», 2019
© Серия «Публицистический роман», 2019
© Эдуард Лимонов, 1998
© Дизайн обложки, Э. Кулемин, 2019

Предисловие

Я написал две третьих «316…» в Париже в 1982-м, последнюю, третью треть, дописал уже в ельцинской Москве.

«316…» – безошибочно антиутопия. Тогда, в 1982 году, дата 2015 казалась мне дичайше удаленной во времени. Ну чего вы хотите, я не планировал дожить и до 2000-го.

Вкратце сюжет романа таков: земляне борются с перенаселением планеты, Штаты, как всегда, впереди, по практичному закону Соединенных Штатов Америки стариков, достигших 65 лет, «гуманно» уничтожает государство.

В России в 2015 году возраст ликвидации стариков в моем романе обозначен в 67 лет. Почему? Возможно, из симпатии к России.

Интересно, как протагонист романа, как раз ему исполнилось 65 лет, из этой неприятной ситуации выпутается, да? Вот об этом и роман.

Положа руку на сердце, хочу признаться в том, что переиздание книги связано с сегодняшней дискуссией по поводу повышения пенсионного возраста. С целой бурей эмоций общества по этому поводу. Ну как не переиздать, если в воздухе тысячи раз на дню возникает это «65 лет!» «65 лет!», в голову тебе вдалбливают «65 лет!».

Дальше будет хуже – утверждает моя антиутопия.

Эдуард Лимонов

2 июля 1015 года

Выходя из Национального центра здоровья на Бродвее, Ипполит прижал привычным движением подушечку большого пальца правой руки к темному стеклу гардиен-дактилографа, но identity card[1] из щели не выскочила. Красная надпись «Withdrawn»[2] зажигалась, исчезала и зажигалась в окошке гардиен-компьютера, пока Ипполит не убрал палец.

Ошеломленный, Ипполит проделал операцию еще раз, но и при второй попытке гардиен-дактилограф не вернул кард, и сочащееся кровью «Withdrawn» вновь вспыхнуло несколько раз в окошке. Ипполит щелкнул выключателем «переговоры» и, согнувшись, чтобы слова шли аккуратно в черную решетку микрофона, помещающуюся над темным стеклом дактилографа, задал компьютеру вопрос:

– Причина?

– Твой возраст, – коротко ответил компьютер. – Второго мая тебе исполнилось шестьдесят пять лет. Сегодня второе июля две тысячи пятнадцатого года.

Спорить было не с кем. Согласно демографическому закону номер 316, пункт «В», от 2011 года Ипполит Лукьянов, литератор, подлежал изъятию из общества, то есть уничтожению. Как и все граждане Соединенных Штатов, достигшие шестидесяти пяти лет, если только они не имеют особых заслуг перед государством.

Ипполит поднял с полу спортивную сумку, пересек старый холл и вышел на Бродвей.

Бармену было на вид лет пятьдесят, но его звали Тони, как мальчика. У Тони, подумал Ипполит, все еще впереди. У Тони в запасе пятнадцать лет.

Тони подал Ипполиту вторую текилу, потом обслужил вошедших из июльского ада двух юношей в красных джинсах и красных же тишотках с серпом и молотом на груди. В последние несколько лет в Штатах свирепствовала эпидемия «красной моды» и большинство молодежи расхаживало по городам Америки русскими комсомольцами середины прошлого века. Налив «комсомольцам», как их мысленно назвал Ипполит, два пива, Тони вернулся к нему:

– Как дела, мистер Лукьянов, какие новости?

– Ноль новостей, и столько же дел.

– Эй, бармен, – крикнул один из парней, блондин с жирным лицом, – вруби нам Ти-Ви-консоль.

Тони состроил недовольную гримасу, которую, впрочем, мог видеть только Ипполит, и, нагнувшись под прилавок, нажал на кнопку. Над баром, над бутылками, под потолком зажглась стена телеконсоли. Розовые большие лица команды ведущих новостей зашевелили большими губами, засверкали зубами, и, радостно улыбаясь, самое большое лицо объявило:

– Согласно ставшим доступными сегодня данным Чикагского Мирового демографического центра, население земного шара в прошлом, две тысячи четырнадцатом году уменьшилось на двадцать девять миллионов пятьсот сорок семь тысяч четыреста десять человек.

– И все же рекордным останется две тысячи седьмой год, – сказал Тони вполголоса, наклонившись к Ипполиту, – тогда население уменьшилось сразу на пятьдесят шесть миллионов человек.

Тони имел в виду «суточную войну» 22–23 ноября 2007 года. Точнее говоря, она продолжалась 21 час. Тогда Соединенные Штаты и Россия сошлись в ядерной войне. Половина территории Германии, часть Польши, южная часть Британских островов, большие города Калифорнии, часть штата Вашингтон, несколько больших городов Украины до сих пор лежат

[1] Карточка, удостоверяющая личность (*англ.*).

[2] Отозвана (*англ.*)

в развалинах и объявлены национальными заповедниками-памятниками. Большинство этих несчастливых кусков Земли до сих пор сохраняют высокий уровень радиации, и посещение их запрещено. Дороги, ведущие в безумные пустыни, блокированы…

– Где ты был двадцать второго ноября две тысячи седьмого, Тони?

– Здесь, в Нью-Йорке. Мы думали, что городу остается жить минуты, может быть, часы… Но у русских были для нас, оказывается, другие планы… У меня не было еще этого бара, я тогда работал в «Хиггинс-бар» на Лексингтон. Где были вы?

– В Африке.

– Счастливчик. Предполагаю, что ни в одном самом безумном военном плане Африке не предназначалась эйч-бомба, разве что последняя, которую уже некуда было запулить… Тут был сумасшедший дом с восемнадцатью миллионами пациентов… Пили, еблись, кололись, прощались, целовались… Большинство даже не пыталось никуда убегать. Говорили, что русские ракеты с подводных лодок могут достичь нас за тринадцать минут. Кто-то поправлял – за семнадцать минут. А куда ты убежишь даже за семнадцать минут?.. Я так и не могу понять, почему русские не тронули Нью-Йорк…

– Никто этого не знает, – сказал Ипполит. – Мы до сих пор даже не знаем, кто же, собственно, начал войну.

Тони посмотрел на него настороженно, и Ипполит подумал, что он слишком далеко зашел, что они оба слишком далеко зашли в этом разговоре, и посему, спросив себе еще текилу, уставился в телеконсоль.

На вид Ипполит Лукьянов моложе своих шестидесяти пяти. Он всегда выглядел моложе своих лет. В двадцать восемь ему давали восемнадцать. Сейчас он натягивал на пятьдесят пять. Если остричь длинные, не очень опрятные волосы, лицо будет казаться еще моложе. Однако людям из Демографического департмента наплевать, как он выглядит. Тем более этим мясникам из Отдела уничтожения. Ипполит осторожно огляделся по сторонам. Никого, кроме самого Лукьянова, Тони и двух мордатых парней в красном, в баре не было. Парни, подумал Лукьянов, вполне могут быть из Отдела уничтожения. Именно такие там и работают – молодые и мордатые. Они, казалось, не обращали никакого внимания на Лукьянова. Ипполит осторожно расправил воротник своей спортивной куртки, в уголке которого был приколот значок с флюоресцентными буквами «S. E.».

«S. E.» означали «self-employed»[3] и, помимо права таскаться по улицам без того, чтобы быть каждые полчаса остановленным какой-нибудь из многочисленных полиций, означало еще, что обладатель значка принадлежит к определенной категории граждан. Рабочие фабрик носили значки с «F. W.» – «factory worker»[4], у Тони был значок «F. D.» – «food and drinks»[5]. Ипполит не знал всех видов значков, но, без сомнения, все они были известны полиции. В таком городе, как Нью-Йорк, невозможно выйти на улицу без значка и не быть остановленным полицией в пределах первых десяти минут. Если ты был без значка, тебя просили предъявить айдентити-кард. У Ипполита был значок, но не было уже айдентити-кард.

Смакуя текилу и посасывая лимон, Ипполит Лукьянов попытался обдумать свое положение. И в предшествующие сегодняшнему дню годы он время от времени обдумывал свое положение, созывал с самим собой генеральные советы, и тема смерти была неизменной и главной темой на всех без исключения генеральных советах Ипполита Лукьянова. К необходимости когда-то умереть он относился безо всякого страха или каких-либо особых сантиментов.

---

[3] Человек свободной профессии, самоустроенный (*англ.*).

[4] Фабричный рабочий (*англ.*).

[5] Еда и питье (*англ.*).

Но быть уничтоженным, как крыса, только потому, что идиотам из Демографического департмента удалось провести закон 316, пункт «В», напугав ебаных буржуа еще большим увеличением тринадцатимиллиардного населения земного шара!.. Ипполит Лукьянов не хотел умирать. Он сидел, пил свою текилу и вовсе не хотел быть уничтоженным.

Никто доподлинно не знает, как они приводят в исполнение «уничтожение». Говорят, что самыми различными способами – от вскрытия вен до героиновых уколов. Остряки утверждают, что из тел стариков делают консервы, дабы поддержать экономику. Год назад Ипполиту Лукьянову пришлось увидеть, как у выхода из ресторана «666» в Гринвич-Вилледж несколько молодых людей, выскочив из закрытого белого вана с красными крестами на новеньких боках, набросились на старика. Молодые люди оторвали нарядно одетого старика от его спутницы и, облепив, как жирные муравьи личинку, втащили в кузов. Дверцы захлопнулись, ван с красными крестами, завывая, рванул вверх по Шестой авеню. Женщина упала у дверей ресторана, и прохожие равнодушно заскользили, обтекая ее тело, как вода обтекает вдруг упавший в ручей камень.

В основном же изымание стариков из общества производится как можно более незаметно. У них дома, может быть, при выходе из офисов, если они работают. По TV и в газетах об уничтожениях не сообщают, и, хотя закон существует, его нелегко увидеть на бумаге. Демографический департмент не очень любит афишировать свои действия. В старые добрые времена, думал Лукьянов, все, что происходит сегодня, было бы немыслимо. Но война 2007 года, эти кошмарные 21 час с минутами, прочно отделили старые добрые времена от мира сегодняшнего. И 56 миллионов трупов за одни сутки сломили волю человечества. Может быть, навсегда.

Домой, в теплую обжитую дыру на West, 108-й улице, возвращаться было нельзя. Уж если даже компьютер небольшого центра здоровья на углу 56-й и Бродвея получил информацию Демографического центра, то та же информация, очевидно, попала в центр-секьюрити их микрорайона и в местное Демографическое бюро. Почему только они не побоялись спугнуть его, отобрав айдентити-кард? Они могли спокойно прийти к нему домой в любой день и арестовать по закону 316, пункт «В». Может быть, ошибка компьютера? Компьютеры все время ошибаются. Информация попала вначале в центр здоровья и только потом попадет (попала?) в Демографическое бюро микрорайона?

Ипполит спустился в сабвей, решив поехать к Кларисс. Кларисс не могла быть в его досье по одной простой причине: Ипполит встретил Кларисс два дня назад. Никто не станет искать Лукьянова у Кларисс.

Через год после «суточной войны» в Манхэттене было запрещено движение частного транспорта, кроме такси, промышленных ванов и траков с продовольствием и товарами да особо авторизованных автомобилей и автобусов различных компаний, расположившихся на острове. Количество автомобилей на улицах, увы, не уменьшилось. В тот же год, однако, подновили легендарный нью-йоркский сабвей. Отскрести вековую ржавчину мощных колонн и балок подземного царства не удалось, посему их окрасили поверху черной промышленной краской, которая в последующие несколько лет, в свою очередь, была съедена ненасытной ржавчиной, и в зависимости от того, какие сточно-промышленные воды протекали вблизи каждой отдельной станции, окрасились и потолки – в кроваво-черный, в черно-зеленый, в буро-кроваво-черный цвета. Ипполиту сабвей всегда казался воплощенной в реальность идеей ада. Лукьянов представил себе Вергилия, который, подобрав полы халата, сопровождаемый испуганно озирающимся Данте, спускается на загаженную платформу, и ухмыльнулся. Бедные, робкие, беспомощные древние мечтатели и книжники… Их робкая фантазия…

Пришлось ждать. Так как и спустя восемь лет после войны Соединенные Штаты не оправились от ее последствий, энергетический кризис заставил нью-йоркские власти сократить количество поездов, но максимально увеличить их длину, насколько позволяла платформа.

Поджидая поезд, Ипполит опасливо рассматривал толпу. Толпа состояла в основном из «Y. W.» – «youth workers»[6]. Было два часа дня – как раз конец четвертой смены, и «youth workers» отправлялись из Манхэттена, где они работают в ресторанах, офисах и обслуживающим персоналом в зданиях больших корпораций, на север, в Южный Бронкс, в казармы. Ипполит осторожно огляделся. Лица «youth workers», испуганные, простые и часто грубые, изобличали классовую принадлежность владельцев. Вследствие проведенной недавно перетасовки – «размешивания» населения (практика была позаимствована у коммунистического Китая), несколько миллионов молодых людей из крупных городов были отправлены в провинцию. Взамен Нью-Йорк набили молодыми людьми из глубины Америки.

– Shit, man,[7] – услышал Ипполит за спиной, – дэмы кого-то ищут. Ты видел, они переговаривались по своим Си-би у турникетов?

– Это их работа, – констатировал другой голос. – Именно за это им платят такие большие бабки… Меня они не колышут, за мной ничего нет.

– Ты носишь активатор?

– А что делать? Говорят, если тебя пару раз поймают без активатора, то переводят в «сопы». Быть санитарным помощником, ну его на… А ты, что ли, ходишь без активатора?

Ипполит не дослушал разговор и не повернулся, чтобы посмотреть в лица ребят, потому что обеспокоенно вспомнил, что у него, Ипполита, нет айдентити-кард, но к подкладке его легкой спортивной куртки привинчен активатор. И, значит, любая из многочисленных полиций города, задержав его во время рутинной облавы и не обнаружив при нем айдентити-кард, найдя в годовой активаторной книге его сигнал и идентифицировав его как скрывающегося от закона, будет обязана арестовать его. После дополнительной процессуальности (как то: идентификация его отпечатков пальцев через главный компьютер) он будет передан мясникам из Департмента Демографии.

По платформе, раздвигая «youth workers» (их обязательные синие джинсы отступали в стороны, давая место красным комбинезонам), шли дэмы. Их было пятеро. Один из дэмов, высоченный черный, неотрывно смотрел на кисть своей левой руки. Ипполит не видел, но знал, что там у него индикатор, ловящий сейчас его, Ипполита, личный сигнал. Ипполит осторожно попятился, обогнул нескольких «youth workers» и пошел, виляя по платформе, вначале медленно, чтобы его отход не заметили красные комбинезоны, затем быстрее, сунув руку под куртку и на ходу отвинчивая активатор. Fucking[8] активатор, носить их было обязано все население Соединенных Штатов.

– Мистер! – закричал один из дэмов. Дэмы его увидели. – Остановитесь, мистер. Мы хотим с вами…

Лукьянов не стал дожидаться конца фразы, знал, чего они хотят, слишком хорошо. Расталкивая «youth workers» и попадавшихся ему на дороге белыми пятнами «с»[9] – раковых больных, их в стране были миллионы, – Лукьянов побежал по платформе. Куда он бежит, он не совсем себе представлял, но просто так отдаться в руки дэмов он не хотел. Далеко сзади загудел поезд, а прямо впереди, огражденная железными поручнями, кончалась платформа. Ипполит (прижавшаяся к стене «youth worker», судя по утолщениям груди и миловидному лицу – девочка, с ужасом смотрела на него) соскользнул на край платформы и осторожно, целясь ногами в середину между рельсами, прыгнул. В последние мгновения перед прыжком он увидел, как несколько пуль, невидимые сами, откололи старый кафель со стены, посыпались осколки, а девочка «youth worker» (а на вид ей было лет семнадцать), коротко крикнув, держась

[6] Молодые рабочие (*англ.*).

[7] Говно, мужик (*англ.*).

[8] Ебаный (*англ.*).

[9] От «cancer» – рак (*англ.*).

руками за живот, сползла на асфальт платформы. Ипполит побежал, стараясь бежать ровно посередине между рельсами, – где-то, он не совсем себе представлял, где именно, должен был быть электрический рельс, попав на который Ипполит сгорит, как бабочка на лампе, именуемой «смерть насекомым», оставив после себя только жирный запах горелого мяса. «Старого мяса», – подумал Ипполит, продолжая бежать, и, наконец сорвав с куртки активатор, отшвырнул его далеко в темноту.

Пробежав минут пять, Ипполит наконец позволил себе оглянуться. Светлый проем станции был уже невидим. К счастью для Лукьянова, трак в этом месте не был прямым, но нора, предназначенная для поезда, – туннель, – изгибалась влево. Дэмы, может быть, и стреляли в него, но, поскольку их ручное оружие было снабжено специальными эффективными глушителями – «городская модель», пистолет-автомат «G.P.-20», – Лукьянов не мог слышать выстрелов. Но поезд он услышал. И увидел. Приближался поезд.

Ипполит не успел подумать, куда он может спрятаться. За исключением желтых фар поезда, пока только одной, впрочем, фары, в подземелье, и так достаточно дорого обходящемся городским властям, не горела ни одна лампа. Когда показалась вторая фара и поезд всей своей массой выскочил на Ипполита, он сделал так, как поступали герои фильмов, виденных им в ранней юности, в добрые старые времена: он увидел неглубокую нишу в стене и, прыгнув через рельс, вжался в нишу и прилип к сырой стене. Из-под ног у него выскочили две крысы, которые, очевидно, тоже задолго до Ипполита нашли сырую каменную щель, опутанную старыми трубами и кабелями в старых резиновых одеждах, привлекательной. В свете, уже ослепительном, надвигающегося поезда Ипполит увидел, как раздраженные крысы – даже шерсть на спине одной стояла дыбом – нырнули куда-то под рельсы.

Груды старого железа проносились в каком-нибудь десятке сантиметров от Ипполита, взметая собой пласты дрянного подземного воздуха, и на некоторое время Ипполиту показалось, что он сейчас задохнется. Долго, казалось, никогда, не кончится специальный удлиненный состав, увозящий из Манхэттена четвертую смену «youth workers». Наконец еще кусок старого грязного металла, мазутом воняющие горячие колеса продышали мимо, и за поездом сомкнулась масса подземного воздуха. Одновременно с этим по Ипполиту мазнул вдруг свет прожектора, направленный из открытых дверей заднего вагона, и рядом с ним он услышал несколько хлопков свинца о сталь рельсов. У прожектора с двух сторон стояли две темные фигуры – дэмы, понял Ипполит, и стреляли по нему. На расстоянии двух десятков метров от Ипполита поезд остановился, и один из дэмов соскочил в рельсы.

Ипполит выпрыгнул из ниши и побежал назад к станции. К счастью для него, первый виток туннеля у станции опять прикрыл его от пуль. Однако возвратиться на станцию Ипполит не мог. Там его наверняка ждали. Опытные дэмы наверняка оставили одного из своих и, может быть, даже уже вызвали подкрепление. Поэтому, как только прожектор дэмов скрылся из виду, Ипполит позволил себе, наклонившись к земле, осторожно нащупать ногой левый рельс. Ничего не случилось. Его не затрясло от удара электричеством. Посему он, плотно прижимая ступню в кроссовке к рельсу, осторожно передвинул ее. Там, где-то в темноте, лежал этот опасный один рельс, по которому текло невидимое глазу испепеляющее электричество. Побалансировав некоторое время над темной пропастью, Ипполит осторожно опустил ногу туда, где, по его мнению, должна была находиться территория за ужасным рельсом. Нога коснулась гравия, и Ипполит твердо оперся на нее, затем перенес туда и вторую ногу. Перебравшись на другой трак, он ощупью нашел стену и побежал, время от времени проверяя, не исчезла ли она, в противоположном направлении.

Из подземелья он выбрался только с наступлением темноты через один из вентиляционных люков, оказалось, что на углу 93-й улицы и Бродвея. В мире шел теплый, противный июльский ливень, шел, видимо, уже давно, так как тротуары были залиты толстым слоем воды.

Последние годы борьба с влагой стала основной заботой города. Количество дождей, выпадающих за год над каменным Манхэттеном, увеличилось после 2007 года, вдвое Специалисты, пока такие рапорты не были запрещены, объясняли потопы, вспомнил Лукьянов, нарушением химического баланса атмосферы, наступившим в результате многочисленных термоядерных взрывов. Не говоря уже о десятках миллионов раковых больных, несчастных «с» (точное число больных охраняется как государственная военная тайна), постоянно умирающих в госпиталях страны, даже дожди, говорят, все еще небезопасны. Обычно Лукьянов, как и большинство населения страны, надевал в дождь специальный комбинезон из особой, абсолютно водонепроницаемой ткани; комбинезон, как и специальная дождевая шляпа, остался в сумке. Сумку Лукьянов бросил на платформе Колумбус-серкл, станции 59-й улицы. Посему, подняв над собой вентиляционную решетку, как можно невозмутимее Лукьянов поднялся по последним металлическим ступенькам на уровень Бродвея, ступил на асфальт и так же невозмутимо опустил за собой решетку. Несколько прохожих в желтых комбинезонах, такой же остался в лукьяновской сумке на платформе 59-й, удивленно посмотрели на него. Дэмов вокруг не было видно. Не глядя по сторонам, Лукьянов торопливо сошел с Бродвея и вильнул в 93-ю улицу.

Кларисс Голдстин не выказала никакого удивления по поводу внезапного появления Ипполита. «Входи», – коротко сказала она в микрофон, и дверь дома, гнусно загудев, распахнулась перед Ипполитом. Он вошел в холл и проследовал в элевейтор мимо мертвых глаз давно не работающих телекамер. Телекамеры вместе с видеотелефонами были установлены в старом доме на Вест-Сайд-авеню в конце восьмидесятых годов, но после «суточной войны» обе системы пришли в упадок, у города не было денег, чтобы их поддерживать. Технический прогресс в сфере ежедневной жизни ограничивался поддержанием системы контроля за поведением граждан.

Элевейтор принес Ипполита прямо к уже открытой двери квартиры Кларисс. При виде Лукьянова улыбка исчезла с лица Кларисс Голдстин, сменившись выражением тревоги, – Кларисс озабоченно покрыла часть верхней губы своей нижней губой. Узкие очки в псевдочерепаховой оправе, прикрывающие лицо женщины, чуть сползли на кончик носа.

– Здравствуй! – Поцеловав Кларисс в щеку, Ипполит вошел в квартиру.

Кларисс закрыла за собой дверь и, нажав на одну из кнопок управляющего щита, находящегося за дверью, зажгла телевизионную стену. Стена задергалась всеми цветами, затем остановилась, на ней возникло лицо дантиста Тома Бакли Джуниор – Президента Великих Соединенных Штатов.

– «Американцы! – начал он патетически. – Граждане! Великий Американский Народ!»

Только после этого Кларисс спросила Ипполита, повалившегося на единственный в однокомнатной квартире Кларисс старый, зеленым бархатом покрытый диван:

– Что случилось?

– Я бежал от дэмов. Через подземелья сабвея.

– Но почему? – Кларисс уселась рядом с Ипполитом, который глядел на большое розовое, во всю стену, лицо Президента.

– Мне шестьдесят пять. Демографический закон 316, пункт «В».

– Shit! – сказала Кларисс. – Что ты думаешь делать?

– Понятия не имею. Могу я принять ванну?

– Разумеется.

Спросив разрешения принять ванну, Ипполит, однако, не сдвинулся с места.

– «…наше основное достояние – трудолюбивый Американский Народ…» – сказал Президент и романтически прищурился, глядя в невидимую Ипполиту и Кларисс даль.

– Есть ли какая-нибудь возможность уладить дело? – Кларисс встала. – Может быть, Союз может что-нибудь сделать для тебя?

– Союз? Ты смеешься. Всеамериканский Союз Литераторов не пошевелит для меня пальцем, не говоря уже о том, что его рекомендация ничего не значит для всесильного Демографического министерства… Плюс… – Лукьянов улыбнулся, – официально я уже семь лет как не литератор. Моя последняя книга вышла сразу после войны, и с тех пор я живу на пособие ВСЛ, которого я не просил, но которое мне дали принудительно, поскольку отказали в лицензии. Чтобы не писал…

– «…Братский великий русский народ – народ коммунистической демократии, – пропел Президент, – в содружестве с которым мы неутомимо…»

Камера вдруг съехала с Президента и показала ряд сидящих сзади него членов правительства. Игнорируя десяток министров, камера наплыла на секретаря Департмента Демографии. Сол Дженкинс сидел прямой и сухой в светло-зеленом костюме с красным галстуком и внимательно слушал Президента, может быть выискивая в его речи слабые места, на которые он потом укажет Президенту.

– Дженкинсу – семьдесят три… – прокомментировала Кларисс и посмотрела на Лукьянова.

– Дженкинс необходим американскому Его Величеству народу… так решил сам Дженкинс. – Ипполит встал.

– Ебаный Великий Американский Народ вместе с ебаным Великим Русским Народом… нуждаются в гении Дженкинса… – Лукьянов ушел в ванную комнату, и Кларисс, задумчиво опять усевшейся на диван, было слышно, как Лукьянов открыл воду и заплескался, издавая звуки удовольствия.

– Нет, – Ипполит сел в темноте в углу комнаты на куче всевозможных тряпок, где ему постелила Кларисс (сама она разместилась на диване). Ипполит закурил. – Я вовсе не оспариваю их право сильного. Я только отказываюсь умирать, когда они хотят, чтобы я умер, Я хочу умереть тогда, когда я этого захочу. Вопреки их идиотским демографическим теориям в шестьдесят пять лет я далеко не развалина физически, и мой мозг функционирует так же, как десять, двадцать и тридцать лет назад. Поэтому я буду жить. Так долго, как мне удастся…

– Но системы контроля… – тихо сказала Кларисс из темноты. – Без айдентити-кард…

– Но существует же преступность, которую им так и не удалось уничтожить вопреки их декларациям. Я предполагаю, что раз есть преступность, то, очевидно, есть и какое-то количество индивидуумов, существующих вне закона…

– Да, но ты знаешь, как они рискуют, как суровы законы…

– А что мне терять?

Они замолчали. Внезапно улица за окнами погрузилась в темноту, только светофоры остались исполнять свой долг. Электричество на улицах отключали ровно в десять. Энергетический кризис, о временности которого говорили с самого конца войны, продолжался, и ночами улицы не освещались.

– Если бы они только не спелись после войны, – горько посетовал из своего угла Ипполит. – Вместе они поработили планету. И человека…

– Можно, наверное, сбежать на окраину мира… – предположила Кларисс неуверенно.

– Не думаю, – сказал Ипполит. – Скорее всего, человек там виднее и заметнее, чем в миллионных толпах… Если бы только они не спелись после войны. На наше несчастье… Поверишь, в семидесятые годы никто не смог бы поверить, что их сотрудничество возможно. «Коммунист» было тогда в Соединенных Штатах ругательным словом. Теперь Россию почтительно переименовали в «красную демократию». Только угробив пятьдесят шесть миллионов человек, два государства-каннибала поняли, что принципиально их ничто не разделяет, что они подобны друг другу. Возможно, скоро они объявят о создании мирового правительства. Худшие опасения человечества сбудутся… – Ипполит помолчал. – Впрочем, в мировом правительстве нет никакой необходимости. Пустая формальность. Они и сейчас консультируются по

малейшему поводу… Одна система айдентити-кард… Бесконечные дружеские визиты полицейских всех мастей. А знаешь, как это началось? Может быть, ты помнишь судебный процесс две тысячи восьмого года, о денационализации Гарлема?

– Нет, меня не было тогда в Нью-Йорке. Я приехала в две тысячи девятом.

– Так вот, Кларисс, над проектом денационализации, то есть выселения всего района, работали в первый раз русские полицейские специалисты. Первое американо-русское совместное сотрудничество после войны… Помню, русские употребляли термин «декомпрессировать». Так и писали в газетах: «Интересы закона и порядка требуют декомпрессации Гарлема»… Русские…

– Ипполит, как случилось, что у тебя русская фамилия?

– Мой отец был русский, Кларисс. Инженер-химик. В девятьсот сорок шестом, находясь в Западной Германии с делегацией, остался, не вернулся в Россию. В девятьсот сорок седьмом перебрался в Штаты. В девятьсот пятидесятом женился на Анне Клайборн, и тогда же родился я…

– Так странно знать, что ты родился еще в середине прошлого века…

– Мне тоже…

– Что ты будешь делать завтра, Ипполит?

– Не знаю. Проснусь утром и подумаю. Сейчас я счастлив уже тем, что принял ванну и лежу на чистой простыне, а не в подземелье сабвея, с крысами…

– Не говори о крысах, Ипполит, я боюсь крыс… Пожалуйста…

– Я тоже боюсь крыс, но крысы лучше дэмов…

– Спокойной ночи, Ипполит.

– Спокойной ночи, Кларисс…

Ипполит хотел добавить, что завтра он избавит ее от своего опасного общества, что он уйдет, чтобы Кларисс не беспокоилась, спала, но не сказал почему-то.

Он еще долго не уснул, помимо воли перебирая в памяти события сегодняшнего дня, свою жизнь до сегодняшнего дня, прикидывая, что он будет делать завтра. Ипполит вынужден был признаться самому себе, что, отлично зная о существовании закона 316, пункта «В», он проявил удивительное бессилие и равнодушие к своей собственной жизни, ничего не предпринял заранее, дабы обезопасить себя. Оправдание и объяснение его бессилию могло быть только одно. Как и весь мир, Ипполит был настолько подавлен реальностью термоядерной войны, только что пронесшейся по планете, что все последующие годы жил в полнейшей апатии, животно счастливым уже от сознания того, что не оказался в числе пятидесяти шести миллионов мгновенно погибших несчастных. И в числе, может быть, ста миллионов раковых больных – «с». Книги, профессия – перед лицом новой реальности его профессия потеряла смысл. Посвящать жизнь сидению за пишущей машинкой? Мосты и великая архитектура, горы и реки не сохранились и погибли на пораженных ядерными взрывами территориях. Какие книги – все человеческие профессии потеряли смысл. К тому же ему все равно не продлили писательский лайсенс. И Ипполит просто жил. Теперь он очнулся только потому, что ему угрожало физическое уничтожение. Ипполит прислушался. Кларисс ровно дышала, по всей видимости, спала. Назавтра он должен будет уйти, нельзя подвергать этот добросердечный синий чулок опасности. Кто-нибудь может донести, что он живет у Кларисс. Могут донести соседи, у них наверняка есть уполномоченный по дому – обычно суперинтендант. Донести может кто угодно. Но куда уйти? Как бывший автор полицейских романов Ипполит знал, что дэмы наверняка посетят в первую очередь его ближайших друзей. Придут к Стиву, к Ли Шуанг. Преступник не может существовать без поддержки внешнего мира, потому, убежав, он всегда отправляется к родителям, к любовнице, к друзьям. Тут-то его, голубчика, и берут горяченького.

Где-то далеко внизу закаркала, заныла сирена полицейского автомобиля. По меньшей мере дюжина полиций существует сейчас в Нью-Йорке. Кого преследуют через ночной, темный город? Может быть, такого же, как Ипполит, старика. Лукьянов передернул плечами под одеялом. Он – старик… Как может человек в здравом уме вдруг сказать себе: «Я – старик, моя жизнь прошла, меня следует убрать с планеты, чтобы освободить место для других – молодых и сильных, которые могут работать, создавать материальные ценности»? От Ипполита Лукьянова Соединенные Штаты Америки не получают прибыли, напротив, убыль. Всеамериканский Союз Литераторов выплачивал ему до сих пор ежемесячную пенсию. Страна победившей демократии, разумеется, сохранила для своих граждан все свободы, упомянутые в Декларации Прав Человека. Однако еще с конца 70-х годов знал Ипполит: где-то в глубинах полицейских компьютеров путешествует его – Ипполита Лукьянова – досье. Почему? Чем заслужил Ипполит Лукьянов внимание органов защиты закона и порядка Великой Демократии? Ипполит Лукьянов написал среди великого множества траш-букс две особые книги: «People's justice society[10] № 1» и «People's justice society № 2». В них описывались приключения одноименной Интернациональной террористической организации, взявшей на себя защиту интересов не общества, не классов, а исключительно простых людей. Первая книга серии, вышедшая в 1987 году, вызвала большой шум. «People's justice society» выследило и уничтожило двух ученых – докторов биологии, работавших над изменением структуры человеческой клетки и открывших секрет «of cloning» – то есть процедуру создания из единственной клетки монстров-Франкенстайнов… Вторая книга серии вышла в 1991 году, в ней ребята из «People's justice» убрали безумного ученого – атомного физика, такого себе тихого очкарика из Лос-Аламосской национальной лаборатории. Третья книга не вышла, так как вначале от нее отказались пятнадцать основных американских издательств, а затем сгорел в пожаре оригинал рукописи, вместе со всеми архивами Лукьянова. Он тогда жил в Ист-Вилледж…

Методы у них разные, подумал Ипполит, русские до сих пор традиционно сажают «плохомыслящих» литераторов в тюрьмы, то есть работают открыто. В Соединенных Штатах, до сих пор преисполненных павлиньей гордости за свою 250-летнюю демократию, тебя подавляют по-иному. Теперь обе великие державы, вынужденные примириться спустя 21 час после начала великого Безумного опыта, оправдали друг друга по необходимости и вместе борются против «варварства» всего остального мира. Уже в 2009-м они первый раз употребили ядерный шантаж против Ирана. Выслали ультиматум, по которому иранцы должны были сдать все имеющееся в стране оружие в течение месяца, в противном случае две (почему две – по одной на каждого разбойника?) ядерные бомбы будут сброшены на Иран, решить – куда именно, разбойники, очевидно, собирались позже. С тех пор еще с десяток стран мира были подвергнуты подобной «пасификации» и разоружены, а их население таким образом было лишено возможности защитить себя от введения нового порядка. Только Китай задал им большее количество хлопот, чем они думали. В 2009-м вспыхнуло поддерживаемое супердержавами восстание в Тибете. Одновременно поддерживаемые ими же вьетнамцы вступили в южные провинции Китая. Но только через шесть лет осмелились супердержавы выслать ядерный ультиматум обескровленному двумя войнами Китаю, и русские войска вошли в провинцию Синьцзян…

«Мир должен быть управляем» – так начиналась победная декларация 2011 года, под которой подписались главы обоих государств, русский Владимир Кузнецов и Том Бакли Джуниор. Тогда же был принят закон 316, пункт «В». В Русском Союзе, вдруг вспомнил Ипполит, оптимальный возраст Гражданина выше: шестьдесят восемь лет. Дополнительные три года даровало их законодательство своим подданным. И если Ипполит не ошибается, в отдельных штатах Русского Союза, таких, как Грузия, оптимальный возраст, кажется, еще чуть выше. Если бы у него была айдентити-кард, он мог бы улететь в Русский Союз. Кажется, четыре еже-

[10] «Общество народного правосудия» (*англ.*).

дневных рейса в Советск связывают два города. Советск – новая послевоенная столица, взамен уничтоженной войной Москвы. Поднявшись из Вашингтона на Воздушный Президентский Командный Пост, тогдашний президент Джерри Харпер приземлился уже после войны в Нью-Йорке, Вашингтона уже не существовало. Первое, что сделали каннибалы, – уничтожили столицы друг друга. Но если бы он и мог улететь в Русский Союз, что бы Ипполит там делал? Они обмениваются информацией, и любой компьютер через десяток минут выяснил бы, что американский друг Ипполит Лукьянов, увы, находится в черном списке и ему шестьдесят пять лет, а по их кодексу товарищества они стараются друг друга не раздражать. И на кой черт в любом случае им нужен неблагонадежный старик? «Неблагонадежный старик» улыбнулся в темноте и уснул.

3 июля 2015 года

Он вышел вместе с Кларисс. Моросил мелкий утренний дождь, и почти все жители города, оказавшиеся на улице, были облачены в желтые комбинезоны. У Кларисс нашелся в доме свободный комбинезон, принадлежавший ее дочери, и она ссудила им Лукьянова. Они расстались у автобусной остановки. Кларисс направлялась на работу в Публичную библиотеку на 42-ю улицу и 5-ю авеню, где они два дня назад и познакомились, а Ипполит… Ипполит не знал, куда он направляется.

– Если тебе опять негде будет ночевать – приходи.

– Спасибо.

– И если тебе что-нибудь будет нужно – не забывай, что ты можешь явиться прямо в библиотеку.

– Как, Кларисс, – без айдентити-кард?

– О боже, я забыла… но все равно дай о себе знать, что и как, ладно?

– Да, еще раз спасибо.

Желтая лягушка Кларисс неуклюже забралась последней в автобус, и за ней сомкнулись двери.

Ипполит пошел в Ист-Вилледж. С предвоенного еще времени, когда он там жил, у него осталось несколько знакомств, достаточно незначительных для того, чтобы они фигурировали в его досье, но могущих оказаться полезными в его теперешнем положении. Мимо пронеслись, держа путь в даунтаун, несколько черных закрытых автомобилей «Крайслер-13», сопровождаемых впереди и сзади черными (бронированными, знал Лукьянов) фургонами и десятком мотоциклистов в черной форме федеральной охраны. Вряд ли Президент, но кто-то вроде секретаря министра, подумал с уважением Лукьянов. Если бы он был экс-министром, ему дали бы умереть своей смертью. Он мог бы дожить и до ста лет. В конце концов, дед Лукьянова дожил до ста четырех лет. Несмотря на радиоактивный дождь, отшлифованная за сотни лет машина американской демократии функционировала нормально, утренние рабочие уже заняли свои места и приступили к производству материальных благ. Безработные, а их в стране насчитывалось несколько десятков миллионов, уже выходили из клубов безработных – каждое утро безработные обязаны были являться в клубы, где в течение двух часов им читали лекции по экономике и демографии. Именно сейчас толпы их, возвращающихся из клубов, покрыли улицы. В Русском Союзе, говорят, нельзя болтаться по улицам без дела. В Соединенных Штатах днем ты можешь при наличии значка и айдентити-кард болтаться с шести утра до десяти вечера на улицах. Позже, когда город мгновенно темнеет, рабочие третьей смены сменяются рабочими четвертой смены, и темные улицы все равно полны людей. Но ночью вероятность того, что тебя остановит какая-нибудь из полиций, куда более велика, чем днем. Русские – непрактичная нация, подумал Лукьянов. Хотя в жилах его текла и русская кровь, он не мог понять, почему нужно затрачивать столько средств на дневной контроль и проверку документов, в то время как наличие активаторов и компьютерной системы досье и без этого обеспечивает государству тотальный контроль над личностью. Да, подумал Лукьянов, шагая в блеклом дожде и вспоминая газетные бури своей юности и зрелости, государства добились тотального контроля над людьми. Годы рассеяли и разрушили идеологии, только основные лозунги выжили и украшают теперь фасады государств. Шаблонные определения «демократия» и «коммунистическое общество» остались, но главными оказались система, структура, государство.

Через час с небольшим он пришел в Ист-Вилледж. Дождь так и не перестал, он только ослаб и поредел. Вначале Ипполит прошел мимо нужного ему срифт-шопа, не останавливаясь. Уже одно то, что срифт-шоп оказался на месте, сообщило Ипполиту некоторую энергию. Он прошел по Первой авеню, до самой Хьюстон-стрит и затем повернул обратно. Тсриф-шоп

помещался между 6-й и 7-й улицами и назывался «International food срифт shop». Ипполит нажал на кнопку звонка. Рыжая от времени штора, по всей вероятности бывшая когда-то белой шторой, отодвинулась, в стекле, между ржавых решеток, показалось бледное лицо блондинки средних лет, и внимательные недоверчивые глаза осмотрели Лукьянова. Потом дверь открылась сама. Ипполит вошел внутрь.

Внутри царила полутьма, единственная электрическая лампочка находилась в дальнем углу зала. В полутьме, в запахе еды, расхаживали несколько посетителей. Половина зала была отведена под продукты, самым пахучим продуктом была копченая сельдь, и этот запах сельди наполнял помещение, глубина же зала была занята разнообразной, самой неожиданной одеждой, даже несколько шуб висели под самым потолком, прикрытые пластиком, заметил Ипполит. Цветные польские платки соседствовали с горками вываленных прямо на открытые прилавки конфет, и запах сельди время от времени перебивался встречными потоками воздуха, содержащего ветерок нафталина.

– Казимир Карлович у себя? – спросил Ипполит по-польски блондинку, в молчании ожидающую его инициативы.

Казимир Карлович, – церемонное славянское обращение Лукьянов употребил для того, чтобы пробудить в блондинке доверие к своей персоне.

– Нету, – сказала блондинка и покачала головой, повторив «нету». – Зачем вам Казимир Карлович?

– Я вас очень прошу, скажите ему, что его спрашивает Лукьянов.

Ипполит улыбнулся, и не только для того, чтобы смягчить блондинку и заставить ее пойти далеко, за шубы в пластике, где, как знал Ипполит, существует дверь, ведущая в глубину, в подсобное помещение, где и находится, если он еще жив, Казимир Карлович Пуришкевич, единственный владелец и глава «International food thrift shop incorporation». Ипполит улыбнулся и странной логике разговора, вопросов и ответов.

Блондинка, которую Ипполит про себя назвал «коровой», посмотрела на него тем же недоверчивым взглядом, каким глядела на него, отодвинув штору, пожала плечами и пошла за шубы. Посетители – толстая женщина среднего возраста с девочкой лет восьми и пожилой человек, может быть, возраста Ипполита копались в провизии. Женщина сняла с полки консервную банку с крабами и читала этикетку, может быть, выясняя дату выпуска крабов, а может быть, точный состав соленой водички, в которой покоились крабы. Пожилой мужчина в джинсовой рубашке, широко расстегнутой на волосатой груди, открыл единственный в помещении холодильный шкаф и внимательно вглядывался внутрь.

– Пройдите, – сказала блондинка уже более приветливо, показавшись из-за груд одежды, и кивком пригласила Ипполита приблизиться.

Скинув с головы на плечи желтый капюшон, Ипполит провел по лицу ладонью и пошел, задевая одежду, к блондинке. Отступив в сторону, блондинка пропустила его, на Ипполита пахнуло горячим большим телом, и он, пригнувшись, вошел в неожиданно светлую комнату, резко контрастирующую с хаосом и запущенностью «International food thrift shop». Казимир Пуришкевич уже встал из-за стола и выгибался во весь свой небольшой рост, приветствуя его улыбкой, как бы летевшей навстречу Ипполиту с розового лица, все тот же Казимир, комбинатор и делец, нисколько не постаревший хитрый толстяк Казимир. Гангстер.

– Мистер Лукьянов собственной персоной! Чем обязан? Дорогой гость. Редкий гость. Последний раз, если не ошибаюсь, вы были у меня осенью две тысячи шестого года. Подождите, дайте вспомнить… Да-да, двадцать пятого октября две тысячи шестого года.

Казимир Пуришкевич обладал необыкновенной памятью и был не прочь демонстрировать ее вновь и вновь при всяком удобном случае.

– А мистер Пуришкевич никак не изменился и по-прежнему блистательно лучезарен.

Они подошли друг к другу и, обменявшись вначале рукопожатиями, вдруг неожиданно для самих себя коротко и стеснительно обнялись. Бывшие соседи.

– Как поживаете, дорогой?.. – спросил Пуришкевич, указав Ипполиту на кожаное кресло, стоящее перед его массивным письменным столом. – Сам я, с вашего разрешения, вернусь в свою излюбленную позицию. – И Пуришкевич протиснулся за свой стол в высокое кресло, напоминающее кресло дантиста, кожаное сиденье покоилось на никелированном стебле, и лепестки никеля несли на себе там и тут кожаные цветы, в середину с ласковым вздохом опустился Казимир.

– Поживаю плохо, – сказал Ипполит.

– Ну-ну, расскажите, – ласково попросил Пуришкевич, ничуть не смутившись тем, что Ипполит плохо поживает.

– Здесь можно говорить свободно? – Ипполит обвел взглядом светлый кабинет Пуришкевича.

– Если бы было нельзя, я бы уже давно тут не сидел. – Пуришкевич нахально усмехнулся.

– Вы, конечно, знаете о существовании закона 316, пункт «В», ограничивающего продолжительность жизни, Казимир Карлович?

– Разумеется, – пожал плечами Пуришкевич, – но мне только пятьдесят шесть, меня закон пока не беспокоит.

– Мне шестьдесят пять, – сказал Ипполит.

– Уже? – изумился Казимир, впрочем, так и не придав своему лицу сочувствующего выражения. – Я бы никогда не дал вам больше пятидесяти пяти. Я всегда думал, что вы мой ровесник.

– Если бы, – вздохнул Ипполит.

– Это вас и заботит, мистер Лукьянов, как я понимаю? Что думаете делать?

– Прожить как можно дольше, – ответил Лукьянов улыбнувшись, стараясь «сложить» лицо таким образом, чтобы гримаса поместилась ровно посередине между геройским и безразличным выражениями.

– И вы хотите, чтобы я помог вам жить как можно дольше? – Пуришкевич ухмыльнулся. – Чего ради? Я даже не ваш лучший друг.

Ипполит хотел сказать, что годы не оказали никакого воздействия на психологическую структуру Казимира Пуришкевича, что он с таким же удовольствием продолжает играть дешевого гангстера, «ужасно циничного и хладнокровно жестокого», но удержался, резонно рассудив, что Казимир и есть дешевый гангстер с Лоуэр Ист-Сайд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.